

С.Г. Тер-Минасова

«Мысль изреченная есть ложь...»

В работе рассматриваются вечные вопросы языкознания и философии о соотношении языка и мышления, об отклонениях и зигзагах, вызванных социокультурными факторами, на пути мысль — слово — реальный мир и наоборот: реальный мир — мысль — слово.

Ключевые слова: язык, мышление, человек, реальный мир, культурная и языковая картины мира.

В течение многих веков ученые обсуждают вопрос о соотношении языка и мышления, языка и культуры, языка и его носителя, языка и реального мира. На эти темы написаны и пишутся многие тысячи страниц, проведены и проводятся множество дискуссий, конференций, симпозиумов и т.п.

Ученые думают, сопоставляют, анализируют, проводят эксперименты, и все письменные труды и устные выступления кончаются примерно одинаковыми словами: «Эти сложнейшие вопросы остаются открытыми, требуют дополнительного исследования и т.п.» И это совершенно верно: конечно, открытые, конечно требуют и всегда будут требовать, потому что и язык, и мышление, и культура, и реальный мир невообразимо сложны, огромны, многообразны и находятся в непрерывном движении и развитии.

Хорошо поэтам, особенно гениальным — таким, как Ф. Тютчев, например.

В четырех словах решил проблему языка и мышления - «мысль изреченная есть ложь».

Путь от мысли к слову извилист и коварен, язык обманчив, а у мысли нет другого способа реализоваться...

Тютчев не сомневался в правильности своей мысли. Он замечательный русский поэт, знаменит великолепными афоризмами, обессмертившими его имя. Ученый всегда сомневается: похоже на правду, но надо проверить, найти доказательства. Ведь мысль Тютчева тоже «изречена», облечена словами. Что же, и она ложь?

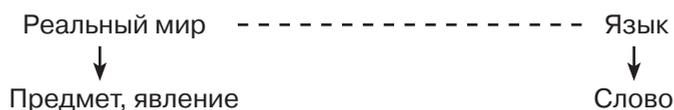
Попробуем разобраться.

Наиболее распространенные метафоры при обсуждении этой темы: язык — *зеркало* окружающего мира, он *отражает* действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения.

Метафоры красочны и полезны, особенно, как это ни странно, в научном тексте. Не будем касаться магии художественного текста, где как бы рай для метафор, их естественная среда обитания, но где приемлемость и эффект метафоры зависят от тончайших, науке не поддающихся моментов: языкового вкуса и таланта художника слова. Оставим богу богово, кесарю кесарево, а художнику художниково. В научном тексте все проще и определеннее: в нем метафоры полезны, когда они облегчают *понимание, восприятие* сложного научного явления, факта, положения (впрочем, вкус и чувство меры так же необходимы автору научного текста, как и автору художественного).

Сравнение языка с зеркалом правомерно: в нем действительно отражается окружающий мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Язык отражает все: географию, климат, историю, условия жизни.

Соотношение между реальным миром и языком можно представить следующим образом:

Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка.

Наличие теснейшей связи и взаимозависимости между языком и человеком, его носителем очевидно и не вызывает сомнений. Язык — средство общения между людьми, и он неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения.

Общественная природа языка проявляется как во внешних условиях его функционирования в данном обществе (би- или полилингвизм, условия обучения языкам, степень развития общества, науки и литературы и т. п.), так и в самой структуре языка, в его синтаксисе, грамматике, лексике, в функциональной стилистике и т. п.

Итак, между языком и реальным миром стоит человек. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка. Иначе говоря, **между реальностью и языком стоит мышление.**

Язык как способ выразить мысль и передать ее от человека к человеку теснейшим образом связан с мышлением. Соотношение языка и мышления - вечный сложнейший вопрос и языкознания, и философии, однако в настоящей работе нет необходимости вдаваться в рассуждения о первичности, вторичности этих феноменов, о возможности обойтись без словесного выражения мысли и т. п. Для целей этой работы главное - несомненная тесная взаимосвязь и взаимозависимость языка и мышления и их соотношение с культурой и действительностью.

Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. **Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов,** что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания.

Соответственно, различна языковая картина мира у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь и в лексике, и в грамматике.

Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть всем тем, что выше определялось словом *культура* в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Метафора с зеркалом уже не так точна, как казалась вначале, потому что *зеркало* оказывается *кривым*: его перекося обусловлен культурой говорящего коллектива, его менталитетом, видением мира, или мировоззрением. (Не этот ли перекося имел в виду Ф. Тютчев?)

Таким образом, **язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его.

Приведенная выше схема уточняется следующим образом:

Итак, окружающий человека мир представлен в трех формах:

- реальный мир,
- культурная (или понятийная) картина мира,
- языковая картина мира.

Реальный мир - это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (понятийная) картина мира - это отражение реального мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Это обусловлено целым рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т. п. Приведем примеры.

На международном конгрессе SIETAR в Финляндии в 1994 году коллеги из норвежского Центра по межкультурной коммуникации представили культурную карту Европы, разработанную их центром. Карта отражает не реальные географические и политические особенности европейских стран, а восприятие этих стран, основанное на стереотипах культурных представлений, присущих норвежцам. Иными словами, это культурная картина Европы глазами жителей Норвегии.

Вот как выглядело описание этой карты:

Eurogas navle [пуп Европы] – конечно, Норвегия; Volvo [«Вольво»] – Швеция; sauna & vodka [сауна и водка] – Финляндия; Russere [русские] – Россия; nesten Russere [почти русские] – Восточная Европа; badestrand [пляж] – Греция; nytterskonsert [новогодний концерт] – Австрия; fri hastighet [нет ограничений скорости] – Германия; svarte bankkonti [теневые банковские счета] – Швейцария; mafia [мафия] – Италия; flatt [плоско, ровно] – Нидерланды; godt kjøkken [хорошая кухня] – Франция; billig [дешево] – Испания; billigere [еще дешевле] – Португалия; IRA [ИРА (Ирландская республиканская армия)] – Северная Ирландия; nesten IRA [почти ИРА] – Ирландия; Charles & Di [Чарльз и Диана] – Ве-

ликобритания; Vigdis [Вигдис (президент Исландии)]; Tivoli & Legoland [Тиволи и Леголенд] – Дания.

Очевидно, что у каждого своя стереотипизированная карта мира.

Языковая картина мира отражает реальность через культурную (понятийную) картину мира.

Вопрос о соотношении культурной (понятийной, концептуальной) и языковой картин мира чрезвычайно сложен и многопланов. Его суть сводится к различиям в преломлении действительности в языке и в культуре.

В книге «Человеческий фактор в языке» утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с другом как целое с частью. Языковая картина мира - это часть культурной (концептуальной) картины, хотя и самая существенная. Однако языковая картина беднее культурной, поскольку в создании последней участвуют, наряду с языковым, и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке [1, с. 107].

По-видимому, все-таки правильнее говорить не о соотношении часть - целое, язык - часть культуры, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии. Язык - часть культуры, но и культура - только часть языка. Значит, языковая картина мира не полностью поглощена культурной, если под последней понимать **образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности.**

Определение картины мира, данное в книге «Человеческий фактор в языке», не принимает во внимание физическую деятельность человека и его физический опыт восприятия окружающего мира: «Наиболее адекватным пониманием картины мира является ее определение как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [1, с. 21]. Однако духовная и физическая деятельности человека неотделимы друг от друга, и исключение любого из этих двух составляющих неправомерно, если речь идет о культурно-концептуальной картине мира.

Итак, культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальному миру, окружающему человека.

Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует, *вербализует* национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения

в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен *описать* все.

Наиболее наглядной иллюстрацией может служить слово, основная единица языка и важнейшая единица обучения языку. Слово - не просто название предмета или явления, определенного «кусочка» окружающего человека мира. Этот кусочек реальности был пропущен через сознание человека и в процессе отражения приобрел специфические черты, присущие данному национальному общественному сознанию, обусловленному культурой данного народа.

Слово можно сравнить с кусочком мозаики. У разных языков эти кусочки складываются в разные картины. Эти картины будут различаться, например, своими красками: там, где русский язык заставляет своих носителей видеть два цвета: *синий* и *голубой*, англичанин видит один: *blue*. При этом и русскоязычные, и англоязычные люди смотрят на один и тот же объект реальности - кусочек спектра.

Разумеется, любой человек способен при необходимости восстановить то, что есть в действительности, в том числе и англичанин несомненно видит все доступные человеческому глазу оттенки цвета (и при необходимости может обозначить либо терминами, либо описательно: *dark blue* [синий, темно-синий], *navy blue* [темно-синий], *sky-blue* [голубой, лазурный], *pale-blue* [светло-голубой]). Еще Чернышевский говаривал: если у англичан есть только одно слово *cook*, то это не значит, что они не отличают повара от кухарки.

Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком. Именно это обстоятельство является одним из камней преткновения в обучении иностранным языкам и составляет для многих учащихся главную (иногда непреодолимую) трудность в процессе овладения иностранным языком. Если бы название предмета или явления окружающего нас мира было простым, «зеркально-мертвым», механическим, фотографическим актом, в результате которого складывалась бы не *картина*, а *фотография* мира, одинаковая у разных народов, не зависящая от их определенного бытием сознания, в этом фантастическом (не человеческом, а машинно-роботном) случае изучение иностранных языков (и перевод с языка на язык) превратилось бы в простой, механически-мнемонический процесс перехода с одного кода на другой.

Однако в действительности путь от реальности к слову (через понятие) сложен, многопланов и зигзагообразен. Усваивая чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир. С новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры. Таким образом,

изучение иностранного языка (особенно на начальном, достаточно продолжительном этапе, дальше которого, к сожалению, многие изучающие язык не продвигаются) сопровождается своеобразным раздвоением личности.

Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком, причем трудность неявную, не лежащую на поверхности, часто вообще не осознаваемую учащимися (а иногда и учителем), что, по-видимому, и объясняет недостаток внимания к этой проблеме.

Остановимся более подробно на собственно языковом аспекте этой проблемы.

Итак, одно и то же понятие, один и тот же кусочек реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках - более полные или менее полные. Слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут различаться семантической емкостью, могут покрывать разные кусочки реальности. Кусочки мозаики, представляющей картину мира, могут различаться размерами в разных языках в зависимости от объема понятийного материала, получившегося в результате отражения в мозгу человека окружающего его мира. Способы и формы отражения, так же как и формирование понятий, обусловлены, в свою очередь, спецификой социокультурных и природных особенностей жизни данного речевого коллектива. Расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия, по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык.

Понятие языковой и культурной картин мира играет важную роль в изучении иностранных языков. Действительно, интерференция родной культуры осложняет коммуникацию ничуть не меньше родного языка. Изучающий иностранный язык проникает в культуру носителей этого языка и подвергается воздействию заложенной в нем культуры. На первичную картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка.

Вторичная картина мира, возникающая при изучении иностранного языка и культуры, - это не столько картина, *отражаемая* языком, сколько картина, *создаваемая* языком.

Взаимодействие первичной и вторичной картин мира - сложный психологический процесс, требующий определенного отказа от собственного «я» и приспособления к другому (из «иных стран») видению мира. Под влиянием вторичной картины мира происходит переформирование личности. Разнообразие языков отражает разнообразие мира,

новая картина высвечивает новые грани и затеняет старые. Наблюдая более 30 лет за преподавателями иностранных языков, которые постоянно подвергаются их воздействию, я могу утверждать, что русские преподаватели кафедр английского, французского, немецкого и других языков приобретают определенные черты национальной культуры тех языков, которые они преподают.

Итак, за словами разных языков — разные миры. Слова — это вуаль над реальной жизнью, это некая паутина, занавес. Главная задача пользующегося иностранным языком — не забыть заглянуть за вуаль, за занавес слов, понять куда, в какую внеязыковую реальность ведут тропинки значений слов. При изучении иностранного языка вопрос о соотношении языка и мышления становится одновременно и более сложным, и более очевидным.

Особенно ярко это проявляется в практике перевода. Переводчик переводит не слова, он должен «перевести» миры, слить их. Никогда миры не подходят так близко друг к другу, никогда они не связаны так тесно, как при переводе.

И стоит в этой связи привести слова замечательного русского лингвиста академика О.Н. Трубачева, так определившего свою задачу перевода этимологического словаря Макса Фасмера с немецкого на русский (160 печатных листов!): «Доставляло истинное удовольствие **переодевать труд Фасмера по-русски**. Задача понималась так, что нужно было не только перевести немецкие партии текста (читай — слова *С.Т.*), но и привести **все целое в соответствие с современным русским советским узусом (культурно-языковой контекст...)** [выделено мной *С.Т.*]

Получается, что процесс общения на разных языках, сложнейший творческий процесс соединения разных миров, культур, менталитетов, нельзя свести к изучению грамматики и значений слов с целью замены слов одного языка на «эквивалентные» по значению слова другого языка.

Слово «эквивалентные» приходится ставить в кавычки, поскольку слова могут быть эквивалентны при условии эквивалентности миров, связанных с ними через значение слов. Но миры очень различны (внешние, окружающие человека, и — особенно! — внутренние, в том числе и взгляды разных народов на мир), различно *мировоззрение*, различен образ жизни, различны картины, созданные разными языками. Следовательно, слова разных языков обманчиво эквивалентны.

Их обманчивость глубоко спрятана и заключается в том, что они **принадлежат к разным, далеко не эквивалентным мирам, речевым коллективам и их культурам.**

Возьмем, к примеру, английское слово *home* и его русский эквивалент *дом*. Как известно, семантика русского слова *дом* включает два английских слова *home* и *house*. *Home* (в отличие от *house* — *дом как жилище*,

постройка) обозначает дом как домашний очаг, семья (известный пример, объясняющий разницу: *they have a beautiful house but it doesn't feel like home* — у них прекрасный дом, но чувствуешь себя там как-то неудобно. (Elizabeth Wilson. The Modern Russian Dictionary for English Speakers. Pergamon Press, 1981). Или популярная в Британии реклама вещей для дома: *make your house a home*. (что-то вроде: *сделайте Ваш дом уютным*). В обоих языках много поговорок и пословиц, воспевающих родной дом: *home, sweet home; East or West home is best; в гостях хорошо, а дома лучше; дома и стены помогают*.

Однако в плане культурного отношении к дому/home у русских и американцев различное. Русские — домоседы, для них родной дом — это место, где родился и вырос, или там где живешь долго, создал семейный очаг, пустил корни. Для американцев же характерна быстрая и частая смена «домов»: они переезжают с места на место много раз в течение жизни, и это нормально для их образа жизни.

Разумеется, русские тоже переезжают — в силу обстоятельств, но отношение и к дому, и к разлуке с ним совершенно иное.

У англичан понятие родного дома, как и у русских, одна из главных жизненных ценностей, но они не так сентиментальны в отношении дома и не так к нему привязаны.

Брюс Монк, девять лет преподававший в Московском Университете от Британского Совета, говорил нам: «Мы любим Англию, но мы можем годами путешествовать или жить и работать за границей и не страдать по поводу «разлуки с родным домом», а ваши люди, поехав в Англию на трехнедельные языковые курсы, через две недели начинают «скучать по дому». После России Брюс, блестящий преподаватель английского языка и автор школьного учебника *Happy English*, уехал преподавать в Японию, где работает уже много лет...

Таким образом, значения слов *home* и *дом* совпадают в том смысле, что они соотносятся с одним и тем же кусочком реальности, но культурно детерминированные понятия (концепты) того, что стоит за «вуалью слов» — различны по ряду признаков.

Итак, если принять во внимание все факторы — включая экстралингвистические, внеязыковые, лежащие за пределами языка, — определяющие реальное функционирование единиц языка в речи, то оказывается, что все (или почти все) языковые единицы социокультурно обусловлены. Иными словами, они принадлежат к определенной социокультурной общности в определенное время и в определенном месте, отражают и формируют культуру и общественное устройство этой общности и поэтому наделены специфическими, присущими данной культуре и данному обществу оттенками значений, коннотациями и особенностями речупотребления.

Это положение подрывает идею эквивалентности языковых единиц и раскрывает огромные скрытые трудности общения на разных языках.

И таким образом подтверждается мысль о том, что самые коварные обманы, ловушки, и западни языка связаны именно с понятием значения слова.

Наиболее известное определение значения слова — это соотношение звукового (в устной речи) или графического (в речи письменной) комплекса с предметом или явлением реальности. Иными словами, значение, как уже говорилось, — это ниточка, связывающая мир языка с реальным миром. Или тропинка, ведущая из мира языка в реальный мир. И к миру реальности и, наоборот, к миру языка эта тропинка ведет не прямо, а через «засаду» из мышления, где живут обусловленные и стреноженные культурой представления и понятия о предметах и явлениях реальности. Эта засада может изменить посланную информацию, добавив/отняв оттенки, коннотации, обусловленные культурой данного народа. У каждого языка — своя засада, своя культура, свое видение мира. Поэтому значение как бы одно, то есть соотносятся слова разных языков с одним и тем же предметом реальности, но разница культур изменила ход тропинки, окрасила в другие цвета (иногда противоположные), подготовила еще одну яму — западню для пытающихся договориться.

Ситуация еще более осложняется, если принять во внимание особенности **не только общенациональной культуры** в представлениях о «предметах мысли» (things meant), к которым ведут тропинки значений, делающие на этом пути общую для всего народа, пользующегося данным языком как средством общения, зигзаг, извилину или яму-западню для иностранцев, пытающихся вторгнуться в язык и мир этого народа, **но и особенности индивидуального** представления об этих предметах или явлениях реального мира. Это — еще один зигзаг, еще одна извилина, но в этом случае это яма, скрытая не только от «чужих», но и от «своих» тоже, поскольку речь идет об **индивидуальных оттенках значения**, индивидуальных особенностях видения мира.

Значение слова, так же как и культура, сочетает коллективное, национальное обусловленное (навязанное) языком представление о реальном мире с индивидуальным, личным, обусловленным (навязанным) социокультурным опытом отдельного человека.

Следующая ниже цитата отлично раскрывает и иллюстрирует это положение.

«Многие считают, что смысл слова «значение» очевиден. Можно сказать, например, что слово «табуретка» означает стул без спинки, т.е. это слово символизирует разновидность мебели. Подобное соответствие требует отдельного исследования. Действительно, каким образом слово ассоциируется с предметом?»

Что происходит, когда вы смотрите на табуретку? Невидимые волны, отраженные от предмета, воздействуют на зрение и вызывают появление электрических сигналов, поступающих в мозг по нервным волокнам. И то, что мы обладаем способностью видеть, является результатом функционирования не глаза, а мозга. Если оптический нерв будет оборван, то глаз становится абсолютно бесполезным. Мы «видим» нашим мозгом всего лишь часть образа реальной «физической» табуретки, и при этом весьма субъективную часть. Люди, которые создавали наш язык, не знали этого. Они «верили в то, что видели», и глаз для них был важнейшим инструментом восприятия окружающего. О том, чего глаз не мог видеть, можно было только догадываться. Но сегодня вы уже знаете, что даже самое острое зрение не способно дать информацию ни о структуре клетки, ни о пространственном расположении и движении частиц, из которых эта клетка состоит. Что еще останется «за кадром», зависит и от остроты зрения, и **от ваших знаний об окружающем мире** (выделено мной — С.Т.).

Представьте себе, что плотник и машинистка (у каждого стопроцентное зрение), находясь в кафе, разглядывают табуретку. Плотник обращает внимание на структуру дерева и на то, каким образом перекладина соединена с ножками. Машинистка же совсем не обращает внимания на эти детали, но она увидит заусеницу, которая может повредить ее колготки и которую плотник вообще не заметит. Оба человека видели табуретку целиком, но заметили только отдельные детали. Можно сказать, что некоторые детали им «не удалось зафиксировать»...

Предмет, который видит машинистка, по крайней мере, слегка отличается от того, который видит плотник, потому что ее органы чувств и ее предыдущий опыт также отличны. В действительности наши нервные системы имеют и сходства, и различия. И, если прошлый опыт разных людей также имеет сходство, то они могут различать предметы, которые практически одинаковы. Но даже два «одинаковых» человека не увидят абсолютно одинаковых предметов» [2, с. 92-93].

Если два человека не могут видеть одно и то же одинаково, то что же говорить о целых народах?! Значит, изучая чужой язык, вторгаясь в чужой мир, нужно суметь «увидеть» не только новые, неизвестные («безэквивалентные») предметы и явления, но и — самое трудное! — «старые», «знакомые», нужно суметь понять и увидеть эти извилины и ямы-ловушки, какими бы нелепыми, чуждыми, странными и страшными они не казались. И все это так очевидно и так невероятно...

Итак, Ф. Тютчев — без всяких рассуждений и анализов как ХУДОЖНИК СЛОВА очень верно и тонко заметил некоторые расхождения между словом и мыслью, между языком и мышлением. Особенно ясно и верно «изречение» Тютчева реализуется при изучении иностранного языка.

Иными словами, уродуя прекрасные и мудрые стихи, можно сказать что мысль, изреченная на иностранном языке, - еще большая ложь, чем на родном.

Осознать эту «ложь» важно и нужно (спасибо поэту!), однако, другого столь же мощного способа — не через слово — выразить мысль у человека нет.

Литература

1. Человеческий фактор в языке. Отв. ред. Е.С. Кубрякова. М., 1988.
2. *Майерс Л.М.* Пишем по-английски (перевод В.В. Сидельникова, А.Н. Мамонтова). Метроном Аптекарского острова, 4/2005, «ЛЭТИ», СПб.